

«Жирные двухтысячные» в субъективном восприятии дальневосточников (2000—2013)¹

Юлия Николаевна Ковалевская,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: tupa67@mail.ru

В статье исследуется субъективное восприятие дальневосточниками изменений в повседневной жизни в 2000—2013 гг. В отличие от кризиса 1990-х гг., трансформация повседневности в 2000-е гг. происходила на фоне быстрого экономического роста и региональной политики Центра, воплощённой в нескольких программах развития ДФО. Программы развития 1996 (новая редакция в 2002 г.), 2006 и 2013 гг. в декларативной части выдвигали задачи закрепления населения и содействия росту жизненного уровня дальневосточников. В реальности инвестировались несколько крупных проектов сырьевой и/или инфраструктурной направленности, которые увеличили диспропорции в экономике региона между добывающими и производящими отраслями. Общероссийский контекст показывает, что, по данным различных соцопросов, число граждан РФ, отмечавших позитивные сдвиги в своём экономическом положении в 2000—2012 гг., выросло с 37 до 46,1%. Дальний Восток отличался от других регионов страны более пессимистическими оценками: благоприятными условия жизни в 2012 г. считали около 10% опрошенных. Проблемы, которые не решались на всём протяжении «стабильных 2000-х», — это низкое качество ЖКУ и рост цен на них, снижение доступности здравоохранения, образования и социальной поддержки, высокий риск стать жертвой преступления или насилия. Документы личного происхождения и фотографии, относящиеся к Углегорскому району Сахалинской области, служат своеобразным кейсом, который дополняет и уточняет дальневосточную специфику сравнительной нормализации повседневности. Прежде всего, в начале 2000-х гг. сохранялись многие кризисные проявления: закрытие предприятий, сокращение рабочих мест, задержки зарплат по полгода и т.п.

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН ИИАЭ ДВО РАН (FWMU-2026-0011: «Трансформационные и стабилизационные процессы на Дальнем Востоке России в эпоху глобализации: из XX в XXI век»).

Изношенная советская техническая инфраструктура продолжала деградировать, а социальная — подвергалась «оптимизации». Отражением низкого уровня жизни и депрессивной повседневности в периферийных регионах является постоянная тема смерти, которая проходит лейтмотивом почти в каждом письме и разговоре. **Ключевые слова:** Дальний Восток России, ДФО, повседневная жизнь, постсоветский период, «жирные двухтысячные», экстрактивизм.

The “Fat 2000s” in the Subjective Perceptions of Far Eastern Residents (2000—2013).

Yuliya Kovalevskaya, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: tupa67@mail.ru.

The paper examines Far Eastern residents' subjective perceptions of changes in their everyday lives from 2000 to 2013. Unlike the crisis of the 1990s, the transformation of everyday life in the 2000s occurred against the backdrop of rapid economic growth and a specific regional policy embodied in several development programs for the Far Eastern Federal District (FEFD). The development programs of 1996 (revised in 2002), 2006 and 2013 declared, among their objectives, the stabilization of the population and improvement of the living standards of Far Eastern residents. However, investments were directed toward several large-scale raw materials and/or infrastructure projects, which increased the disparities in the Far Eastern economy between the extractive and manufacturing sectors. The national context shows that, according to various sociological surveys, the number of Russians who reported positive changes in their economic situation increased from 37% to 46.1% between 2000 and 2012. The Far East differed from other regions of the country in its more pessimistic assessments: approximately 10% of respondents considered living conditions favorable in 2012. The problems that remained unresolved throughout the “stable 2000s” included poor quality and rising prices for housing and utilities, declining access to healthcare, education, and social support, as well as a high risk of becoming a victim of crime or violence. Personal documents and photographs from the Ulgorsk District of the Sakhalin Region serve as a unique case study that complements and clarifies the Far Eastern specifics of the relative normalization of everyday life. Above all, many manifestations of the crisis persisted in the early 2000s: the closure of enterprises, reduction in employment, salary delays of up to six months, etc. The worn-out Soviet technical infrastructure continued to deteriorate, while the social infrastructure was subject to “optimization”. A reflection of the low standard of living and depressive everyday life in the peripheral regions is the constant theme of death, which runs as a leitmotif in almost every letter and conversation.

Keywords: Russian Far East, Far Eastern Federal District, everyday life, post-Soviet period, “fat 2000s”, extractivism.

ВВЕДЕНИЕ

Двадцатипятилетний период, прошедший со времени возникновения ДФО, даёт основания для изучения обыденной жизни дальневосточников в «жирные двухтысячные» с позиций историка. Повседневность является довольно инерционной системой, особенно на периферии, где все социальные процессы замедленны. Возможно, не стоит ожидать, что программы развития региона в целом или отдельные проекты развития территорий дадут быстрые результаты. Однако именно показатели качества повседневной жизни — конечный итог, который определяет трудовое, миграционное и демографическое поведение жителей ДФО, благополучие дальневосточного социума и политические настроения жителей.

Вопросы о том, действительно ли в 2000-е гг. бенефициаром экономического роста в результате «просачивания вниз» материальных благ в конечном итоге становится всё население и в какой степени, в российской науке разрабатывались преимущественно экономистами, а субъективное восприятие этого процесса — социологами. Тем не менее программы развития ДФО и итоги их реализации исследованы историками А.Е. Савченко, Т.Н. Журавской, С.А. Ивановым, И.Ю. Зуенко, Н.П. Рыжовой [1], А.С. Ващук [2; 3], В.Л. Лариным и др. [4], Л.А. Медведевой [5]. Такие экономисты, как П.А. Минакир, О.М. Прокапало [6], А.П. Латкин и Ю.Ю. Макиевская, считают, что при неолиберальной государственной политике экономика Дальнего Востока поворачивает к концессионному и вахтовому сценарию развития, а это создаёт такие негативные последствия, как отток населения, усиление сырьевой специализации и технологической зависимости на фоне быстро развивающегося Китая [7, с. 70]. Я. Адда (США) [8] провёл социологический опрос на Дальнем Востоке, который показывает, что успехи реализации программ и региональной политики в целом в 1990—2000-е гг. оцениваются большинством местных жителей как незначительные. Повседневная жизнь дальневосточников в 2000-е гг. пока не становилась предметом специального научного исследования, хотя отдельные её аспекты представлены в работах учёных, упомянутых выше.

Цель статьи — выявление соответствия/несоответствия итогов экономического и социального развития ДФО на макро- и микроуровнях, т.е. сравнение итогов эволюции ДФО при

взгляде «сверху», со стороны руководителей государственных программ развития и крупных проектов, и «снизу», с точки зрения обычных граждан и проблем их повседневной жизни. Более конкретные задачи включают следующие пункты: кратко охарактеризовать программы развития Дальнего Востока; привести количественные показатели итогов реализации программ в целом; определить результаты влияния экономического роста на нормализацию повседневности в общем по России (как объективные показатели, так и субъективные оценки по данным соцопросов); рассмотреть субъективное восприятие повседневности «жирных двухтысячных» жителями ДФО по источникам личного характера (на примере Углегорского района Сахалинской области).

В качестве источников, помимо данных статистики и экономической аналитики, использована семейная переписка жителей Углегорского района Сахалинской области между собой и с их родственниками из других городов России за 2000-е гг. (всего 70 писем). Письма сохраняют многие аспекты повседневности, которые не отражаются в документах официального характера, но показывают темпы изменения обыденной жизни, субъективное восприятие позитивных и негативных сторон будней того времени. Большая часть писем относится к 2000—2005 гг. — периоду до всеобщего распространения сотовой связи и соцсетей. Однако в 2013 г. сотрудники отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН проводили в Углегорском районе полевые исследования и собрали там архив из фотографий, интервью, анкет и личных записей, часть из которых уже была опубликована. В данной статье использованы фотографии и личные наблюдения автора, свидетельствующие, что ситуация в Углегорском районе мало изменилась к лучшему и к 2013 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Программы развития ДФО

В 1996 г. президент Б.Н. Ельцин подписал новую государственную программу развития Дальневосточного региона на период 1996—2005 гг. («президентская программа»). В ней ставились следующие задачи: создание равных условий социально-экономического развития для региона; структурная перестройка экономики региона с учётом требований

внутреннего и внешнего рынков; активная интеграция региона в Тихоокеанском бассейне; закрепление населения и содействие росту жизненного уровня [9, с. 217]. 2006 г. называют началом политики «поворота на Восток». В 2009 г. была утверждена Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока, закрепившая ориентацию на финансируемые государством и госкомпаниями мегапроекты, преимущественно в энергетике и транспортной инфраструктуре. Было создано Министерство развития Дальнего Востока — специальный институт управления территорией в рамках стратегии «поворота на Восток» [2, с. 80].

В апреле 2013 г. утверждается новая государственная программа развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г. В ней не было чётких задач экономического или внеэкономического характера, но предусматривались в расчёте до 2018 г. ещё более значительные затраты госбюджета, чем в предыдущей программе (для сравнения: 463 млрд руб. в документе 1996 г. и почти 820 млрд руб. в 2013 г.) [7, с. 74]. В 2013 г. в правительстве появилась должность вице-премьера, отвечающего за Дальний Восток. Аппарат министерства разработал пакет федеральных законов, призванных сделать регион привлекательным для отечественных и зарубежных инвесторов (с 2014 г. было принято 39 федеральных законов и 167 актов правительства, нацеленных на улучшение экономического климата на Дальнем Востоке) [2, с. 80].

Итоги реализации программ по ДФО в целом

Последняя советская государственная целевая программа на 1986—2000 гг. по объёмам финансирования была выполнена на 30%, первая постсоветская «президентская программа» на 1996—2005 гг. — на 10% [10, с. 472]. Ещё до окончания сроков последней стало ясно, что она не выполнила своих задач, и в марте 2002 г. Правительство РФ утвердило её новую редакцию [5, с. 484].

В результате реализации Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока до 2025 г. (2009) произошло некоторое увеличение вклада ДФО в национальную экономику. Его доля в валовом региональном продукте России выросла с 4,5% в 2007 г. до 5,2% в 2009 г. Наибольшие темпы инвестирования в указанный период показал Приморский

край. В рамках реализации целевой федеральной программы в июле 2009 г. началось строительство магистрального газопровода Сахалин — Хабаровск — Владивосток, была введена в строй первая очередь нефтеперегрузочного комплекса в порту Козьмино. В 2010 г. на Сахалине заработал первый в России завод по производству сжиженного газа, приступили к сооружению нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан. Однако почти весь экономический рост был достигнут исключительно за счёт добывающих отраслей и усилил сырьевой характер экономики ДФО. Например, в Сахалинской области соотношение продукции, произведённой предприятиями топливно-энергетического комплекса и обрабатывающей промышленности, составило соответственно 8 к 1 [5, с. 485]. К успехам программы относят завершение строительства запланированных сооружений, предназначенных для саммита АТЭС во Владивостоке в 2012 г., а также создание комплекса инфраструктурных объектов для обеспечения транзита углеводородов, металлов, электроэнергии в страны СВА [7, с. 74]. В оценке реализации указанной программы можно согласиться с Л.М. Медведевой: «Мы наблюдаем проведение политики, характерной для переходного периода, когда государство в новых условиях пытается действовать старыми методами; оно уже ощутило выгоду от рыночных отношений и получения прибыли, но не готово использовать её в интересах гражданского общества» [5, с. 487]. А.П. Латкин и Ю.Ю. Макиевская также приходят к сходным выводам, что региональная политика РФ на Дальнем Востоке на практике главным образом отражает интересы крупного российского бизнеса, а развитие собственно региона остаётся на уровне деклараций в программных государственных документах [7, с. 71].

Итоги нормализации повседневности по России в целом (объективные показатели и данные соцопросов)

Как показывает мониторинг общественного мнения (где в общероссийской выборке присутствовали и респонденты с Дальнего Востока), в 2000 г. 37% россиян полагали, что жизнь в стране постепенно наладится, 33% выражали пессимизм, ещё треть затруднилась с ответом. В территориальном плане наиболее негативно настроенным регионом являлся Дальний Восток, а в социально-профессиональном — сельские жители [ист. 1].

В дальнейшем, несмотря на почти десятилетний период «передышки» между кризисами 1998—1999 гг. и 2008—2009 гг., опросы показывали, что большинство населения по-прежнему жило «от зарплаты до зарплаты», его тревожил рост цен на питание, одежду и услуги ЖКХ [11, с. 163].

Кризис 2008—2009 гг. вновь привёл к сокращению доходов и возродил страх массовых невыплат заработной платы и безработицы. Сбережения были у меньшей части населения, а размеры помощи в рамках социальных программ и пенсионной системы являлись недостаточными [11, с. 165].

Нормализация экономики после кризиса 2008 г. сопровождалась прямой бюджетной поддержкой доходов домохозяйств. С 2007 г. правительство приняло решение индексировать пенсии и довести отношение их к зарплатам до 40% с 23%. В 2007—2010 гг. пенсии росли в среднем на 30% в год. В 2012—2013 гг. правительство повышало и зарплаты госсектора на 21% в год, тогда как в других отраслях экономики они увеличивались всего на 13% в год. Благодаря щедрой бюджетной политике потребление в среднем к 2014 г. выросло на 22% по сравнению с 2008 г., тогда как ВВП стал больше всего на 6% [12, с. 55].

Продолжительный период быстрого роста потребления вселил в россиян относительный оптимизм. В 2014 г. расхождение динамики ВВП и потребления стало ещё более заметным: рост розничной торговли ускорился с 1,5—2,0% в год в 2008 г. до 3% в год в 2014 г., несмотря на ухудшение ситуации с ВВП в целом. Ипотечное кредитование составляло 0,4% ВВП в 2000 г., 2,9% — в 2008 г. и 4,1% в 2013 г. [ист. 2].

В октябре 2012 г. социологический факультет Российского государственного гуманитарного университета провёл опрос работников некоторых предприятий и организаций РФ на предмет оценки ими различных сторон экономической жизни страны, региона, собственного предприятия. На вопрос: «Как Вы оцениваете нынешнее экономическое положение в России?» — положительный ответ дали 46,1% россиян [12, с. 56].

Среди тревожащих информантов явлений в жизни российского общества в 2011 г. на первом месте (57%) были кризис системы ЖКХ и рост жилищно-коммунальных платежей, далее следовал и низкий уровень доходов значительной части населения (38%), сокращение доступа к бесплатному образованию и медицинскому обеспечению, коррупция

и засилье бюрократии, рост цен на товары и услуги, высокий уровень алкоголизма, наркомании и преступности [13, с. 78].

Значительное место в списке отравляющих жизнь россиян проблем занимало отсутствие социальных гарантий на случай болезни, старости, безработицы и инвалидности [13, с. 84]. При этом серьёзная обеспокоенность по поводу недостаточной поддержки со стороны государства была тесно связана со страхом перед преступностью и насилием — 37% тех, для кого недоступны социальные гарантии, одновременно испытывают и чувство незащищённости от насилия [13, с. 85].

На Дальнем Востоке и в Сибири в 2012 г., согласно исследованиям ВЦИОМ, благоприятными условия жизни считали лишь 10% населения. При этом главный негативный фактор, который отметила почти половина сибиряков и дальневосточников, — дороговизна жизни (46%). Из них 60% выразили намерение уехать в другой город России, а 20% — вообще в другую страну (ещё 23% точно собрались уезжать, но пока, т.е. к моменту опроса, не решили куда) [14, с. 29].

**Субъективное восприятие повседневности 2000-х гг.
дальневосточниками (по источникам личного
характера). Кейс Углегорского района
Сахалинской области**

Углегорский район выступает достаточно типичным для ДФО примером трансформации повседневности в 2000—2013 гг. Он расположен в области с быстро растущей экономикой, имеет большие запасы угля, а также сохранившуюся с советских времён типовую промышленную, коммунальную и социальную инфраструктуру. Кроме того, ситуация в этом месте в 1990-х гг. и позже уже изучалась автором ранее. Однако главная причина выбора данного района — наличие источников: личной переписки одной семьи из примерно 5—7 чел. за 2000—2007 гг. и материалов включённого наблюдения в период работы летом 2013 г.

ВРП Сахалинской области в сопоставимых ценах в 2000—2013 гг. увеличился более чем в три раза, а доля Сахалина в совокупном ВРП ДФО — более чем в полтора раза. Основным драйвером роста островной экономики за этот период была добыча полезных ископаемых, в первую

очередь нефти, газа и угля [4, с. 161]. Однако развитие производства не только не стимулировало массового притока новых кадров, но и не привело к сохранению местного населения. В 2000—2013 гг. численность жителей Сахалина снизилась с 540 до 493 тыс. чел., а Углегорского района — с 26,5 до 20,5 тыс. чел. [ист. 3, с. 33]. В Сахалинской области наблюдалось наибольшее неравенство в распределении доходов населения среди всех субъектов ДФО [5, с. 486].

Общие успехи развития Сахалина напрямую упоминаются в переписке один раз в трагикомическом контексте. Старшая корреспондентка пишет: *«Жизнь какая-то тревожная, всё воруют среди бела дня и столько злобных людей — страшно... У нас в подъезде половина людей поменялась — дикари — на лестнице безобразничают по нужде большой и малой — вонища, чего сроду не было»* [ист. 4. АОСПИ. Шахтёрск. 12.11.2001]. Младшая отвечает: *«Как у Вас там вообще на Сахалине дела? Мне К. говорил, что остров очень быстро развивается (из-за шельфа), полно иностранцев, банки, гостиницы, казино строят, открывают какой-то новый институт... А ты пишешь, что всего-то нового — дерьмо на лестнице. И кому верить? Наверное, только в Южном денег много, а остальным не достаётся»* [ист. 4. АОСПИ. Владивосток. 22.11.2001].

В Углегорском районе главным экономическим процессом, от которого зависели все стороны жизни местного населения, был переход угледобычи с закрытого на открытый способ разработки. *«Шахту в Шахтёрске закрыли, с рабочими не рассчитались, была забастовка с голодовкой, и сейчас рассчитываются по капле (продают оборудование), денег всё нет и нет, шахтёры кинулись кто куда — большинство работают вахтовым методом — вдали от дома, и уже сколько семей распались...»* [ист. 4. АОСПИ. Шахтёрск. 07.10.2001].

Это был нелинейный процесс, шахты то закрывали, то пытались восстановить, но в целом их количество сокращалось, а открытых угольных карьеров — устойчиво росло. Однако на таких карьерах не создавалось рабочих мест, сравнимых по доходу и статусу с теми, которые были на шахтах советского времени. Это была тяжёлая, нестабильная работа без социальных гарантий. *«У нас в Шахтёрске шахта закрывается с 1.01.2003 г. насовсем, а сейчас увольняют всех, у кого заканчиваются контракты, а Ударновская работает только до осени и тоже закрывается, остаются только открытые разработки, но и они работают нестабильно — эту*

Рис. 1. Памятник шахтёрам. Шахтёрск, 2013 г. Фото автора

зиму Варваринский (за Надеждино) и Звёздный на ЛЗУ² не работают, сразу посёлок заглох — ни туда, ни оттуда не выехать...» [ист. 4. АОСПИ. Шахтёрск. 27.11.02]. Зарплату в начале 2000-х гг. продолжали задерживать: «...з/п не дают по 4 месяца и больше...» [ист. 4. АОСПИ. Шахтёрск. 17.05.02]. Когда шахты закрылись, в Шахтёрске возле мэрии поставили памятник шахтёрам (рис. 1).

В письмах большое место занимают обычные бытовые темы: еда, одежда, жилище. Постоянно перечисляются цены на продукты в связи с размером пенсии или зарплаты. Чаще эта пропорция оценивается негативно: «Яйцо 30 р. 10 шт., корм дорогой 10 р. кг, жизнь такая, что хоть вой. Сахар 20 р. 1 кг, окорочка 40 р., мясо частное 100 р., рис 12, мука 10 р., хлеб 8 р. Кто бы сказал, когда это всё кончится, обещают пенсию хорошую — не доживём» [ист. 4. АОСПИ. Углегорск. Август 2001]. Но встречаются и позитивные оценки ситуации: «Копала картошку (мешка два) и вечером приехала с В.И. (он купил микрик за 2,4 т.р.)... Я всю свою пенсию трачу — всего хочется — и баунти, и мороженого... а магазины как на грех со всех сторон, никуда ходить не надо. Продукты у нас очень дорогие, и какое счастье, что мы получаем пенсию стабильно (тьфу-тьфу), а кто на з/п — ужас» [ист. 4. АОСПИ. Шахтёрск. 07.10.2001].

Упомянутая выше покупка машины является одним из немногих крупных приобретений, о которых сообщается во всех 70 письмах. В начале 2001 г. в них обсуждалась покупка комнаты площадью 27 кв. м (гостинки) во Владивостоке за 3,5 тыс. долл., причём 1 тыс. долл. (или 25 тыс. руб.) дали в долг родственники [ист. 4. АОСПИ. Углегорск. 20.02.2001].

² ЛЗУ — лесозаготовительный участок. ЛЗУ «Звёздный» был частью п. Надеждино Углегорского района, закрыт в начале 1970-х гг. В 1990-х гг. рядом с бывшим ЛЗУ устроили открытый угольный карьер, куда рабочих завозили каждый день утром и забирали вечером. Эти же автобусы использовали местные жители для поездок в Шахтёрск и обратно.

Источником денег в этой ветви семьи был старший сын, о котором также написано: «...Володя строит новый магазин...» [ист. 4. АОСПИ. Углегорск. Август 2001]. Ещё в письме упоминается, что 1-комнатная квартира в Шахтёрске стоит 10 тыс. руб., а 3-комнатная квартира в Южно-Сахалинске — 30 тыс. долл., что даёт представление о примерных расходах, необходимых для переезда в региональный центр [ист. 4. АОСПИ. Шахтёрск. 14.01.2002].

Особой проблемой в районе было состояние ЖКХ. Из письма 2001 г.: «Началась зима — в кв. 12—14 градусов — прохладно, но я привычная... много времени уходит на беганья по инстанциям: ЖКХ, соц. защита и собес — пенсия у меня явно маленькая (1100 руб.) и, наверное, без суда не обойдётся, езжу и ничего не могу понять — такие разные у них объяснения, противоречивые и совершенно не убедительные... У нас новая кв. плата, с 10 декабря, сколько, не знаю, но пугают, что очень дорого. А воду подают с 6 до 9 утра и вечера, но она на 4 этаж не поднимается, и нам внизу вывели кран наружу — туда ходим за водой для всех нужд (и туалета), а о титане и говорить нечего — воды не будет постоянно, водохранилище разорено, вода утекает, а на ремонт нет денег, вообще с жильём здесь полный крах — всё ломается, соседи топят, а ремонт не делают, надо месяцами ходить и просить, а вот печка топится прекрасно — ничто её не повредило — ни время, ни землетрясение...» [ист. 4. АОСПИ. Шахтёрск. 07.12.2001].

Ситуация не изменилась и через год: «Воды у нас нет с осени, внизу поставили кран и дают по 2 часа в сутки, утром — все уже привыкли — нормально, хуже дело обстоит со светом — наш Шахтёрск задолжал 14 млн руб. за электроэнергию, и пробовали всех отключать — народ взбунтовался, плательщики не виноваты, а их набралось много. Как поступят дальше — неизвестно... пенсия у меня 1480 руб... Навага — 25 руб. за кг...» [ист. 4. АОСПИ. Шахтёрск. 01.03.2002].

А полгода спустя ситуация ещё усугубилась пожаром, который случился во время отсутствия хозяйки: «...в ночь у нас загорелось на балконе... окна потрескались. Но рамы целые... Соседи золотые: всё было ночью, свет вырубили, и они в темноте тушили сначала сами, а потом вызвали милицию и пожарку» [ист. 4. АОСПИ. Шахтёрск. 13.04.2002].

Население Углегорского района всё время сокращалось, Шахтёрск потерял статус города, в нём было много брошенных квартир и полупустых домов (рис. 2).

Рис. 2. Жилые и нежилые дома. Шахтёрск, 2013 г. Фото автора

Несмотря на то, что услуги ЖКХ были низкого качества, плата за них постоянно росла: *«Весь Углегорский район переходит в поселковую местность — весь... а вот как это отразится на пенсиях — посмотрим... Мне добавили к пенсии 180 руб. и дали помощи на продукты 800 руб. <...> Нашу шахту теперь уже окончательно закрыли и распродают оборудование, автобазу тоже, „Солнечный“ профилакторий продают за 300 т.р. — грабёж, всё растащили за бесценок, а коммунальные услуги растут — люди бросились покупать дачные домики, а квартиры бросают, особенно у кого нет никаких льгот — вся з/п уходит на оплату кв. платы. Я за октябрь заплатила с льготой 500 руб. без света — представляешь, за однокомнатную...»* [ист. 4. АОСПИ. Шахтёрск. Ноябрь 2004].

Оптимизация образования и здравоохранения отразилась на Шахтёрске следующим образом: *«На будущий год планируют школу одну оставить, идёт большое сокращение кадров... в техникум в этот год набора не будет, его перевели в Гопшу³, эти курс закончат и всё... Был митинг по поводу больницы — выступали в основном люди заинтересованные — идёт борьба за сохранение своих зарплат, а о людях ни слова... шахты тоже умирают потихоньку»* [ист. 4. АОСПИ. Шахтёрск. 15.09.2004].

В Шахтёрске был закрыт стационар больницы, а персонал поликлиники сокращён до минимума. Фактически по всем

³ Гопша — это просторечие от ГПТУ (Городское профессионально-техническое училище), в 1990-е гг. преобразовано в лицей.

более-менее серьёзным медицинским случаям нужно было ехать в областной центр Южно-Сахалинск (300 км) или лететь в региональные столицы Хабаровск и Владивосток: *«На приём к врачу попала на 9 день, она одна на всю больницу — я пока сидела по 2—3 часа под дверью, всё обещали принять в регистратуре без талона, да где там... у меня совершенно пропало желание идти на приём к ней — она пенсионерка, ей не до нас...»* [ист. 4. АОСПИ. Шахтёрск. Ноябрь 2004]. В данном случае автор письма не получила на месте никакой помощи, похудела на 20 кг, и во время обследования во Владивостоке у неё было выявлено онкологическое заболевание, там же сделали операцию. Когда она через год вернулась в Шахтёрск, выяснилось, что её соседка (которая всю жизнь проработала хирургической медсестрой) умерла от рака печени, не получив в Шахтёрске ни диагноза, ни лечения.

Вообще тема смерти является лейтмотивом многих писем. Упоминаются криминальные смерти: *«На днях утром на дороге убили двух мужчин 43 лет и женщину 42 л. — наши шахтёрские — поехали за товаром в Южный, а их встретили и... взяли деньги. Здесь столько убийств, краж средь бела дня и пропадают люди... Много людей поспивалось и опустилось, орудуют внаглую на огородах, по квартирам и улицам»* [ист. 4. АОСПИ. Шахтёрск. 28.10.2001]. Не менее страшное впечатление оставляют свидетельства бытовых смертей, особенно если их жертвами становятся знакомые, друзья детства, ровесники: *«У нас две ночи были морозные, и два пьяных мужика лет по 40 прямо около дома вышли, упали на бетонку и умерли от переохлаждения. Саша С. весь высох — с голоду умирает. И много мужиков среднего возраста не работают, сидят на иждивении родителей, то ли не хотят, то ли нет работы...»* [ист. 4. АОСПИ. Шахтёрск. Ноябрь 2004].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценивая повседневную жизнь дальневосточников в период 2000–2013 гг., когда российская экономика росла по 7–9% в год, можно отметить, что материальные блага «просачивались вниз» к обычным людям, во-первых, очень медленно, а во-вторых, в очень незначительных количествах. Для дальневосточной периферии реальностью были скорее «долгие девяностые», чем «жирные двухтысячные».

Даже в Сахалинской области — самой быстро развивающейся экономике ДФО — бонусы от крупных инвестиций в нефтяные проекты доходили до местных жителей только в виде нестабильных заработков на стройке при работе вахтовым методом, а вложений в коммунальную и социальную инфраструктуру за пределами Южно-Сахалинска проследить не удалось. Пространство повседневности было очень неоднородно и дисгармонично, в нём сочетались точечная модернизация в одних сферах (торговля, кредитование, сотовая связь) и продолжающийся регресс в других (ЖКХ, образование, здравоохранение, охрана порядка). Объяснение этих противоречий следует искать, по всей вероятности, в политике экстрактивизма [15, с. 345], которая сочетает практики сверхэксплуатации природных ресурсов и механизмы лишения прав, отчуждения и изъятия результатов труда у местного населения (экстрактивные институты), что ведёт к усилению неравенства Центра и внутренней периферии.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Савченко А.Е., Журавская Т.Н., Иванов С.А., Зуенко И.Ю., Рыжова Н.П. *Потенциальный Дальний Восток. Как расцветают и угасают проекты развития в самом большом регионе России*. М., Common Place: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники», 2024, 320 с.
Savchenko A.E., Zhuravskaya T.N., Ivanov S.A., Zuenko I.Yu., Ryzhova N.P. *Potential Far East. How Development Projects Bloom and Fade in Russia's Largest Region*. Moscow, Common Place: Fond podderzhki sotsial'nykh issledovaniy "Khamovniki" Publ., 2024, 320 p. (In Russ.)
2. Ващук А.С. Программы и проекты развития Дальнего Востока России конца XX — начала XXI вв. сквозь призму социальной антропологии. Рец. на: Савченко А.Е. и др. *Потенциальный Дальний Восток. Как расцветают и угасают проекты развития в самом большом регионе России*. М.: Common Place, 2024. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, 2025, № 2 (72), с. 79—87.
Vashchuk A.S. Development Programs and Projects for the Russian Far East in the Late 20th — Early 21st Centuries through the Lens of Social Anthropology. Reviewed by: Savchenko A.E., et al. *Potential Far East: How Development Projects Flourish and Decline in Russia's Largest Region*. Moscow: Common Place, 2024. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2025, No 2 (72), pp. 79—87. (In Russ.)
3. Ващук А.С. Дальневосточная политика постсоветской России в конце XX — начале XXI в.: концепции, экспертные мнения и точки зрения публицистов. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 2018, т. 10, № 3/1, с. 30—45.

- Vashchuk A.S. The Far Eastern Policy of Post-Soviet Russia in the Late 20th — Early 21st Centuries: Concepts, Expert Opinions and Viewpoints of Publicists. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2018, vol. 10, No 3/1, pp. 30—45. (In Russ.)
4. Десятилетие обманутых ожиданий: Тихоокеанская Азия и Тихоокеанская Россия между двумя глобальными кризисами: 2010—2020 / под. ред. В.Л. Ларина. Владивосток, 2022, 454 с.
A Decade of Disappointed Expectations: Pacific Asia and Pacific Russia between Two Global Crises: 2010—2020. Ed. by V.L. Larin. Vladivostok, 2022, 454 p. (In Russ.)
 5. Медведева Л.М. Специфика реализации стратегии социально-экономического развития российского Дальнего Востока. *Россия: тенденции и перспективы развития*, 2011, № 6-2, с. 483—487.
Medvedeva L.M. Specifics of the Implementation of the Strategy of Socio-Economic Development of the Russian Far East. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya*, 2011, No 6-2, pp. 483—487. (In Russ.)
 6. Минакир П.А., Прокапало О.М. Централизация и автономизация как факторы социально-экономического развития Дальнего Востока России. *Экономические и социальные перемены*, 2017, № 6, с. 24—41.
Minakir P.A., Prokapalo O.M. Centralization and Autonomization as Factors of Socio-Economic Development of the Russian Far East. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, 2017, No 6, pp. 24—41. (In Russ.)
 7. Латкин А.П., Макиевская Ю.Ю. Государственные программы развития Дальнего Востока: оценка их реализации. *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*, 2022, т. 14, № 2, с. 68—77.
Latkin A.P., Makievskaya Yu.Yu. State Programs for the Development of the Far East: Assessment of Their Implementation. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*, 2022, vol. 14, No 2, pp. 68—77. (In Russ.)
 8. Adda I. L'Extreme-Orient russe: un acteur central dans le glissement de la Federation de Russie a l'Est. *Global Studies Institute de L'Universite de Geneve. Collection Eurypa*, 2015, vol. 84, pp. 140—143. (In Fr.)
 9. Поповичева Ю.Н. Программы развития Дальнего Востока в исторической перспективе (втор. пол. XIX — нач. XXI в.). *История освоения Россией Приамурья и современное социально-экономическое состояние стран АТР*. Материалы междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Комсомольск-на-Амуре, 2007, ч. 2, с. 211—218.
Popovicheva Yu.N. Development Programs of the Far East in Historical Perspective (the Second Half of the 19th — Early 21st Centuries). *History of Russia's Development of the Amur Region and the Current Socio-Economic State of the Asia-Pacific Countries*. Proceedings of the International Applied Science Conference. In 2 Parts. Komsomolsk-on-Amur, 2007, part 2, pp. 211—218. (In Russ.)
 10. Минакир П.А. Экономика регионов: Дальний Восток. М., Экономика, 2006, 848 с.
Minakir P.A. *Regional Economics: Far East*. Moscow, Ekonomika Publ., 2006, 848 p. (In Russ.)
 11. Красильникова М.Д. Как российское население переживает очередной экономический кризис. *Мир России*, 2012, № 19 (4), с. 162—181.
Krasil'nikova M.D. How the Russian Population Is Surviving the Latest Economic Crisis. *Mir Rossii*, 2012, No 19 (4), pp. 162—181. (In Russ.)

12. Анисимов Р.И. Экономическая трансформация России в период 1990—2012 годов и её отражение в сознании россиян. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 2014, № 5 (35), с. 55—68.
Anisimov R.I. Economic Transformation of Russia during 1990—2012 and Its Reflection in the Consciousness of Russians. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 2014, No 5 (35), pp. 55—68. (In Russ.)
13. *Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров)*. Аналитический доклад / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М., ИСПАС, 2011.
Twenty Years of Reforms through the Eyes of Russians (The Experience of Long-Term Sociological Surveys). Analytical Report. Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. Moscow, ISRAS Publ., 2011. Available at: https://www.isras.ru/analytical_report_twenty_years_reforms.html?&printmode (accessed 10.05.2026). (In Russ.)
14. Немировский В.Г., Половинко В.С. Возможности модернизации регионов Сибирского федерального округа. *Социологические исследования*, 2015, № 1, с. 27—34.
Nemirovsky V.G., Polovinko V.S. Possibilities of Modernization of Regions of the Siberian Federal District. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2015, No 1, pp. 27—34. (In Russ.)
15. Панфилов Н., Дохов Р. Не только природные ресурсы: экстрактивизм как обобщающая концепция. *Социологическое обозрение*, 2024, № 2, с. 340—363.
Panfilov N., Dokhov R. Not Only Natural Resources: Extractivism as a Generalizing Concept. *Sotsiologicheskoye obozreniye*, 2024, No 2, pp. 340—363. (In Russ.)

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

1. Горшков М. Общественное мнение осенью 2000-го. *Независимая газета*. 17.10.2000.
Gorshkov M. Public Opinion in the Fall of 2000. *Nezavisimaya gazeta*, October 17, 2000. Available at: https://nvo.ng.ru/ideas/2000-10-17/8_opros.html?ysclid=mjmfaxwtsk286880031 (accessed 17.05.2026).
2. Орлова Н., Долгин Д. *Потребительская модель роста российской экономики исчерпала себя*.
Orlova N., Dolgin D. *The Consumer Model of Growth of the Russian Economy Has Exhausted Itself*. Available at: <https://www.finam.ru/publications/item/potrebitelskaya-model-rosta-rossiyskoy-ekonomiki-ischerpala-sebya-2021-11-04-08-33/> (accessed 11.05.2026).
3. *Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2013 года*. М., Росстат, 2013, 432 с.
Population of the Russian Federation by Municipalities as of January 1, 2013. Moscow, Rosstat Publ., 2013, 432 p.
4. АОСПИ (Арх. отдела социально-политических исследований).

Дата поступления в редакцию 22.05.2026